

**Проект „Изменение климата и
экологическая модернизация России“
Май 2021**

Социологическое исследование
Аналитического центра Юрия Левады
**Мнения российских экспертов
о глобальных изменениях
климата и сопряженных
процессах**

Zentrum
Liberale
Moderne

**Проект Центра либеральной современности
„Изменение климата и экологическая модернизация России»
Май 2021**

Содержание

Основные выводы исследования	3
Изменение климата и общественное мнение в России	4
Статус темы «глобальные изменения климата» в российском общественном мнении	4
Климат и традиция	5
«Глобальное потепление» как чуждая идея	6
Экология и деиндустриализация	7
Климат и Крым	8
«Экология»	9
Уточнение темы исследования	11
Обзор результатов социологического исследования	12
Тема защиты климата в российской науке.	12
Россия и международная климатическая политика и тенденции	15
Почему не будем переходить к возобновляемым источникам?	22
«Геополитический» дискурс	26
Заключение	34

Автономная некоммерческая организация Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр) – российская негосударственная исследовательская организация. Центр проводит регулярный мониторинг общественного мнения в России начиная с 1988 года., а также аналитические исследования. Среди партнеров и заказчиков центра – компании, университеты, исследовательские и некоммерческие организации.

Основные выводы исследования

- Исследование показывает, что в компаниях, государственных учреждениях и научных институтах все еще существует высокая степень скептицизма в отношении причин и драматического характера изменения климата.
- В других научных дисциплинах кроме климатологии – в отличие от широкой общественности – нет единого мнения относительно влияния человеческого фактора на глобальное потепление.
- В целом, геостратегические соображения доминируют в экспертной среде: меры по защите климата и вытекающие из этого последствия рассматриваются через призму конфликта между Россией и Западом.
- Дискуссия об изменении климата и мерах противодействия этому воспринимается интервьюируемыми как западный дискурс. Резкое сокращение потребления угля, нефти и газа представляется атакой на российские интересы.
- Некоторые респонденты категорически отвергают "зеленую" экономику как западную выдумку, а саму идею "зеленой" экономики не считают рентабельной.
- Те, кто убежден в необходимости фундаментальных изменений в российской экономике, не верят, что это станет возможным при нынешнем правительстве.
- Представленные мнения ясно показывают, что и у оппозиции, и у представителей власти нет видения альтернативной (без ископаемого топлива) России. Позитивные образы будущего почти полностью отсутствуют в оппозиции. Кризисы, военные конфликты или просто продолжение развития по нынешнему сценарию доминируют в существующих представлениях о будущем страны.

Изменение климата и общественное мнение в России

В предлагаемом ниже вступительном разделе мы хотим изложить то, что известно из ранее проводившихся исследований по теме «общественное мнение в России о глобальных изменениях климата», поскольку общественное мнение в целом являет собой контекст для дискуссий экспертов и специалистов. Монографических исследований на эту тему было проведено немного, но тема климата и его изменений часто возникала в ходе групповых дискуссий и интервью по другим темам. Из этих элементов, а также из отдельных выступлений в СМИ и в интернете, сложилась картина, описание которой кажется полезным для целей настоящего исследования.

Статус темы «глобальные изменения климата» в российском общественном мнении

Дискурс о глобальном изменении климата в значительной мере существует как информация, предоставленная мировому обществу со стороны института науки. Далее в мире эта тема предстает как поле дискуссии между признающими эти изменения и теми, кто их тем или иным образом отрицает, опровергает, подвергает сомнению. В Европе и США одной из главных сил, выступающих против признания глобального изменения климата, его отрицательных последствий для человечества и значительной роли антропогенного фактора в этом процессе, называют носителей материального интереса – представителей тех видов бизнеса, которые пострадают в случае принятия рекомендуемых наукой мер по сокращению воздействий человечества на природу. Эта коллизия уже достаточно ясно обозначилась в публичных дискуссиях в странах Запада.

Ситуация с общественным мнением России, которую отображают проводимые Левада-центром и другими агентствами исследования, это более ранняя стадия названного общественного процесса. Позиция тех кругов бизнеса, которые могут понести ущерб при принятии уже принятых и обсуждаемых международных ограничений, обозначилась вполне ясно – и наше исследование это покажет. Менее четко, но проясняется в основном солидарная с ними позиция основных управляющих структур. Выразили свою полную или частичную/ограниченную солидарность с выводами западных специалистов по глобальному потеплению различные российские эксперты. Однако эти мнения еще не стали предметом общественного интереса. Российское общество, в отличие от общественности стран Западной Европы, не включилось в дебаты между названными выше социальными агентами. Тема глобального изменения климата, тема потепления в российском общественном мнении присутствует, но имеет иной статус, нежели в публичном дискурсе западных обществ. Вопрос о глобальных климатических изменениях существует для тех россиян, для которых он важен – в иных перспективах и контекстах, нежели для участников дискуссий на эту тему в странах Европы.

Климат и традиция

Климат и погода принадлежат к постоянно обсуждаемым темам во всех слоях российского общества. И то, и другое в массовом сознании считаются независимыми от людей и поэтому рассматриваются как данность Природы. Современный городской житель в значительной степени автономен от погодно-климатических факторов, но в массовом сознании в значительной же степени сохраняется мифология погоды и климата, сложившаяся в аграрном (деревенском) социуме, каким исторически было российское общество вплоть до первых десятилетий XX века.

Из этого наследия нам важно отметить несколько элементов, которые весьма отчетливо проявились в ходе данного исследования.

Комплекс представлений «Зима-Мороз». Любить зиму считал атрибутом «русской души» еще Пушкин, и это осталось - если не как реальная любовь к низким температурам, то как сохраняющаяся часть мифа, который русские рассказывают о себе. Идентичность русского народа, согласно этим установкам, включает борение/сосуществование человека (имеется в виду – русского человека) с сильным холодом (морозом), который характерен для зимы. Мороз представляет для русского человека смертельную опасность (риск замерзнуть насмерть), но русский человек находит силы этому морозу противостоять, побеждая в этом противоборстве природу. Соответственно, сильные морозы, оказываются не только отрицательным климатическим фактором, но и условием героического существования русских¹. В этих же климатических условиях существуют многие другие этносы, но в рассматриваемом дискурсе зима – это именно «Русская Зима». Кроме того, зимой имеет место и важнейший календарный праздник – Новый год. Ни с одним иным моментом в году не связано такое количество эмоциональных переживаний, ожиданий, надежд. В этой связи весьма важны стандартные атрибуты зимы и Нового года как ее апогея – мороз и снег. Именно те изменения климата, в связи с которыми зимой вообще, а в особенности на Новый год не бывает «хорошего» мороза и «настоящего» снега, прежде всего отмечаются массовым сознанием как негативные. Утилитарные соображения о возможной экономии топлива или расходов на зимнюю одежду и обувь как положительных результатах потепления зим, не встретились ни разу.

Отметим, что едва ли не последний сохранившийся в повседневной культуре персонаж языческого пантеона русских — это «Дед Мороз», повелитель холода и зимы, благоволящий русским. Повторяя судьбу многих элементов традиции, мифологический комплекс зимы и как его часть - этот персонаж и связанные с ним ритуалы, переместились в значительной степени в субкультуру детства и празднества.

Деревенские зимние ритуалы в русской языческой традиции предполагали ряд над-обыденных не-утилитарных действий. Это катание с гор, разного рода кружения, сооружение фигур и строений из снега. В наших интервью это

¹ До недавнего времени продолжала существовать развитая мифология водки как атрибута жизни русских. Способность русского человека (модальный тип – это взрослый мужчина) принять большую дозу 40-градусного алкоголя и остаться на ногах, устоять, так же свидетельствовала в этом мифе о силе и героизме народа, как способность противостоять 40-градусному морозу.

проявилось, в частности, в том, что респонденты чаще всего ностальгически отмечали изменение климата таким образом: *раньше детьми мы играли в снегу, с горки катались, а нынешним детям это недоступно.*

«Русская зима» как длительная часть года с морозом и значительным снежным покровом продолжает считаться не просто климатической, а социокультурной нормой. Наступление теплых зим многими рассматривается именно как нарушение надлежащего порядка вещей². Подчеркнем: для многих россиян главная отрицательная черта глобального потепления – это утрата «настоящей» зимы. При назывании признаков изменения климата в подавляющем большинстве случаев говорили о том, что исчезли «настоящие» зимы. Об изменении в погодном режиме других времен года спонтанно почти никогда не заговаривали.

С учетом связи «настоящей русской зимы» с укладом русской жизни, с русским характером, утрата зимы воспринимается болезненно многими в первую очередь как ущерб, наносимый национальной идентичности русских и их страны – России. В этой связи важно подчеркнуть, что почти идентичные lamentации по утрате зимы *какой она была* раздаются и в Архангельской области, и в Краснодарском крае, хотя между ними почти 20 градусов по широте.

«Глобальное потепление» как чуждая идея

Изменение климата в виде отхода от некогда существовавшей четкой нормы (холод зимой, жара летом) признается нарушением некоторого базового порядка вещей. В России эти процессы в значительной части совпали по времени с процессами радикальных социальных перемен.

– *Страна стала другая, и погода соответственно, мимоходом замечает респондент*

В конце 1980-х годов совпадение новой горбачевской внешней политики - переориентация с «холодной войны» на «потепление» в отношениях с Западом - с чередой теплых зим в Европейской части СССР/России давало повод шутить, что «перестройка» коснулась и климата, а по-другому – что силы природы поддерживают курс Горбачева, либо, наоборот, что Горбачеву удалось испортить не только социальный строй в СССР, но и климат. Та доля правды, которая, как известно, есть в каждой шутке, здесь состоит в углублении метафоры «политический климат» путем вменения некоторой связи между явлениями «земными» (политическими) и «небесными» (климатическими). Ясно, что ощущение этой связи имеет место в сознании секулярном, и ему надо определить место резидуумов, сохранившихся от предыдущих мировоззренческих систем. Такой статус определяет как условно-несерьезный характер таких структур сознания, так и их связь с иными, залегающими на глубине конструкциями, принадлежащими старине и архаике. Именно по этим причинам сегодняшнее глухое недовольство россиян дискурсом глобального потепления как пришедшим с Запада – о чем будет много говориться в следующих разделах Отчета – легко

² Характерно, что лозунг «Верните настоящую зиму и честные выборы!» как полу-шуточный был вывешен на митинге протеста в Москве на Болотной площади зимой 2011-2012 г.

вписывается в традиционный контекст «противостояния России и Запада» как основы в картине мира российского фундаментализма. А слухи о налоговых мерах Евросоюза, которые ударят по экспортным доходам России, легко смыкаются с представлениями о западных санкциях, которые налагались на Россию в последние годы. Санкции же воспринимаются как, во-первых, несправедливые, а во-вторых, как заведомо бессмысленные, не способные заставить Россию поменять свою политику. Поэтому «зеленые» пошлины, карбоновые сборы рассматриваются как часть политической игры. Отсюда неготовность воспринимать всерьез их потенциальное значение для российской экономики и отсутствие готовности признать их смысл и логику как меры по защите условий жизни на Земле. Об этом, но как элементе дискурса специалистов – будет много сказано на страницах данного Отчета.

В Западном мире и на Востоке отрицание глобального потепления может смыкаться с антиглобалистскими настроениями, политическим фундаментализмом и антикапиталистическими установками (наряду с его поддержкой монстрами капитализма – нефтяными гигантами). В России, как сказано, потепление воспринимается как нечто наносящее ущерб русской идентичности, а дискурс глобального потепления трактуется как преследующее те же цели средство антироссийских сил. В мягком варианте это недовольство тем, что «нас» делают виновными в загрязнении атмосферы углекислотой и виновными в ухудшении климата на всей Земле. В более определенном и жестком варианте дискурс потепления и далее меры «зеленой экономики» (о которых знают пока немногие) некоторые эксперты и некоторые рядовые россияне рассматривают как способ вытеснения России с мировых рынков нефти, с тем чтобы его забрали американские нефтяные компании. Здесь общее глухое неприятие этого дискурса обостряется до прямого политического афронта.

Помимо указанной подспудной связи этих современных воззрений и настроений с архаическими, «позавчерашними» смысловыми структурами, надо отметить их сложные отношения с воззрениями «вчерашними». Мы имеем в виду советский дискурс «покорения природы». В его рамках «советский человек» осушал болота, орошал пустыни, распахивал целину. Все эти действия ныне признаются нанесшими непоправимый ущерб природе, вызвавшими катастрофические последствия. Между тем, краткий исторический период после перестройки и гласности, когда россияне в массе были готовы признать тотальную неправоту, ошибочность «советского эксперимента», в путинские годы был свернут и заменен на мягкую реставрацию «советского». Если теперь запрещено подвергать сомнению военный подвиг советского народа, то по умолчанию это распространяется и на его трудовой подвиг.

Экология и деиндустриализация

С возникающей здесь проблемой для массового сознания соединяется другая. Разговоры о глобальном изменении климата рядовые респонденты, да и многие эксперты почти всегда переводили на местные проблемы окружающей среды, на «экологию». В большинстве случаев следовали жалобы на загрязнение воздуха дымом или выбросами крупных предприятий. Эти «грязные» предприятия

– остатки от множества заводов, построенных в ходе советской индустриализации 1930-1960-х годов. Дымы из заводских труб тогда рассматривались как благие знаки растущей промышленной мощи страны. В 1990-е годы эти заводы в своем большинстве были сперва приватизированы, а затем ликвидированы их новыми хозяевами как нерентабельные, оборудование и помещения распроданы. Из исследований коллектива Левада-центра за весь постсоветский период известно, что эта абруптивная деиндустриализация – одна из самых тяжелых травм, пережитых и переживаемых российским массовым сознанием. По всей стране сетуют на то, что *все заводы закрылись*. С течением времени специалисты стали отмечать, что это сделало воздух в городах более чистым, что сократилось число онкологических и других массовых заболеваний. Но видеть «плюсы» в том, что воспринимается как безусловно отрицательное явления, массовому сознанию трудно. (Плюсы видны с позиций частного человека, о чем будет сказано ниже)

Двойное отношение складывается и к остающимся предприятиям – загрязнителям. Это остатки нашей гордости и мощи, это традиционные рабочие места. Старшее поколение к ним привязано. Оно не рассматривает ущерб, наносимый их здоровью, как неприемлемый. С ним мирились всегда, готовы мириться и теперь. Но для молодого поколения символическая (и практическая) ценность «родного завода» гораздо ниже, а ценность здоровья детей и своего – гораздо выше. Молодые семьи уезжают из городов с неблагоприятной средой.

Эти люди часто признают глобальное потепление и в ряде случаев находят, что из-за него экология города становится еще хуже, воздух очищается реже.

Климат и Крым

Наконец, надо указать на еще одну параллель к дискурсу об изменении климата в его российском варианте. Речь идет о главном на сегодня событии путинского двадцатилетия – о присоединении Крыма. Исследования Левада-центра показали, что в массовом сознании одновременно присутствуют и открытое утверждение его полной правомерности, и глубоко скрытое признание неправомерности этого акта. В соответствии с первой позицией международное осуждение действий РФ полностью отвергается, санкции воспринимаются как средство для США и вообще Запада ослабить Россию как конкурента на международном рынке под предлогом осуждения аннексии. На глубинном уровне присутствует понимание логики и этики Запада в этом вопросе. (Понимание, впрочем, не значит принятие. И признание правомерности обвинений не ведет к возникновению чувства вины).

Отношение к дискурсу о загрязнении атмосферы, в котором присутствует образ РФ как одного из крупных загрязнителей, также двуслойное. На глубинном уровне массовое сознание признает или готово признать, что Россия неподобающим образом загрязняет свою среду обитания, а также и атмосферу Земли. И соответственно, понимает, что шаги, которые предпринимает и предпримет Запад по «штрафованию» России, закономерны и правомерны, и исходят из заботы о климате всей Земли, о будущем для всех. Но на поверхностном уровне господствует другая логика, логика конфронтации. Снова приходится повторить, что российское массовое сознание эту ситуацию представляет для себя

так, что под видом борьбы с глобальным потеплением на самом деле реализуются усилия Запада, прежде всего США по устранению России как конкурента на мировом рынке нефти. Соответственно, их экологические претензии к России продиктованы не заботой об общем благе, а этим корыстным интересом. Поэтому они либо надуманны и фальшивы, а если и нет, то не заслуживают внимания ввиду своей лицемерности.

В контексте политического противостояния России и «Запада», резко обострившегося после аннексии Крыма и действий России в Донбассе, неполитическая, казалось бы, тема глобальных климатических изменений, обрела для россиян политическое звучание. Это во множестве проявлений отразилось в материалах данного исследования.

«Экология»

Однако есть другая тема, которая, как говорилось, тесно связана в общественном сознании с темой климата. В нынешнем ее бытовании в массовом сознании она имеет название «Экология». Это представления о степени загрязненности воздушной и водной среды, о загрязнителях, выбросах, их очистке, о радиационной обстановке. В последнее время сюда вошли темы мусора, мусороудаления, сбора и переработки.

Поводов уделять внимание и место этой теме в данном отчете мы видим по меньшей мере три. Первый состоит в том, что и в академическом дискурсе о глобальных изменениях климата есть место для подключения тематики локальных антропогенных воздействий на среду, о принимающих глобальные масштабы некоторых видах бытовых загрязнений и т.д. В этом смысле есть определенные параллели между академическими и бытовыми дискурсами.

Второй состоит в том, что, как сказано, в массовом сознании эта тема фактически стоит на месте темы глобальных изменений климата, в некотором смысле ее замещает.

Третий повод заключается в том, что есть серьезные основания полагать, что тема глобального изменения климата будет входить в российское массовое сознание, переживая те же фазы и состояния, через которые проходила проблематика окружающей среды, она же «экология».

Как сказано, общественное мнение держит тезис о глобальном изменении/потеплении на дистанции, отказывая ему, таким образом в особой важности и актуальности. Тезис о загрязнении среды, который теперь принят в число важных, центральных, актуальных, сначала был удерживаем на такой же дистантной позиции. Это место в массовом сознании, предназначенное для тех идей, смыслов, важных сведений, о которых известно, что они пришли извне, скорее всего «с Запада». Это придает им одновременно авторитетность и априорную чуждость, если не враждебность. Но под влиянием внутренней дискуссии, выступлений СМИ и политического руководства тема с течением времени осваивается и принимается как «своя» с присоединенными к ней «местными» значениями и окрасками.

Из этих пройденных экологической темой фаз нужно особо отметить две. Во-первых, это фаза политизации. Тема экологии вошла в число популярных, когда

выяснилось, что в предвыборной борьбе (а тогда такая имела место) критика кандидатов-руководителей, допускающих загрязнение среды, обещания кандидатов не допускать загрязнения среды, и т.п. имеют большой вес в глазах избирателей.

Вторая важная фаза – это проникновение темы заботы о среде на личностный уровень. Появление идей личного вклада в охрану окружающей среды в форме действий, поступков (напр., отдельный сбор мусора, сбор батареек и т.п.) подключило такие мощные драйверы взаимодействия в первичных коллективах, как мода, престиж, состязательность. На этом же уровне произошло соединение этих идей с идеями здорового образа жизни. Обретение же этими принципами массового характера стало порождать новые сегменты рынка, вызывать к жизни новые формы хозяйствования, новые технологии и новые производства.

В больших городах России не быстро, но растет число пользующихся велосипедами и самокатами. Далеко не всегда их использование мотивировано соображениями защиты окружающей среды, но на стартовой фазе это было важным мотивом для пионеров этого тренда. И теперь для ряда пользователей остается важной тема: пользуясь велосипедом/самокатом, а не автомобилем, я сберегаю чистый воздух для всех. Надо видеть, что похожая, казалось бы, мысль: летя в отпуск в самолете, я несу личную ответственность за такое-то количество CO₂ и тепла, усугубляющих парниковый эффект – еще не получила такого же распространения.

Однако, повторим, есть все основания ожидать, что тематика озабоченности глобальными изменениями климата войдет в повестку российского массового сознания так же прочно, как в нее вошла тема «экологии». Но здесь нужно сделать две оговорки.

Первая: этот прогноз верен только при условии, что в ближайшие годы не произойдут никакие крупные социальные события, которые способны изменить обычную работу механизмов массового сознания и массового поведения. Между тем, вероятность наступления таких событий далеко не нулевая.

Вторая оговорка должна напомнить, что влияние общественного мнения на политические процессы, на решения власти по важным экономическим вопросам весьма ограничено. Обычные для демократических государств пути реализации такого влияния, как создание общественных объединений, выражающих и продвигающих волю объединившихся, кампании в масс медиа, наконец, выборы, в современной России не действуют.

Поэтому мы можем ожидать в недалеком будущем широкого распространения среди жителей РФ озабоченности глобальными изменениями климата и понимания, что структура российской экономики такова, что последняя вносит большой вклад в опасные процессы разогрева атмосферы и Земли. Но это лишь в малой степени будет подталкивать политическое руководство страны, законодательную и исполнительную власть к принятию таких решений, которые изменят характер этой экономики существенно и быстро, хотя бы с такой же скоростью, с какой совершаются перемены в массовом сознании.

Уточнение темы исследования

В настоящее время основные запомненные массовым сознанием феномены глобальных изменений, это таяние льдов в Арктике и (реже) подъем уровня мирового океана. Как жители евразийского континента, воспринимаемого ими как бескрайняя суша, россияне оба эти феномена считают к ним не относящимися. А если о них говорят, то в позитивном ключе: первое откроет «наш» Севморпуть, второе затопит нелюбимую Европу (полушутка).

Исследование позволяет с определенностью сказать, что на данный момент никаких ощущений угрозы, катастрофы, никаких признаков массового беспокойства или озабоченности в связи с глобальными изменениями климата российское общественное мнение не демонстрирует. Отсутствует отношение к углекислому газу как вредному веществу, «загрязнителю» (в отличие от других газов). Абсолютно отсутствует идея персональной ответственности за участие в выбросе CO₂ и идея сокращать этот выброс собственными усилиями.

Снова скажем, что, в отличие от темы глобального потепления, статус параллельной темы загрязнения среды совсем иной. Там есть представление о возможных катастрофических локальных и глобальных последствиях, идея личного участия в экоактивности и даже личной ответственности за загрязнение, в т.ч. глобальное. Укажем на отчетливо негативную окраску слова-маркера «загрязнение» и скорее позитивную окраску слова «потепление».

Подытожим. Ставить вопрос: знают ли россияне о глобальных изменениях климата, резона нет. Из предыдущих исследований известно, что о глобальных изменениях климата большинство россиян слышали, и они знают, что на этот счет существуют разные мнения. Ставить вопрос, готовы ли россияне в тех или иных формах, коллективно или индивидуально что-то делать для борьбы с этими явлениями, так же (пока) не осмысленно. Известно из уже проведенных исследований, что к этой фазе развитие российского общественного сознания по данной теме еще не подошло.

Следует также оговориться, что на момент исследования не существовало (еще) привычной для социальной мысли связи между мнениями и социальными позициями их носителей. Люди одного статуса и одной профессии в разных компаниях высказывали порой противоположные мнения о феномене глобального потепления и его причинах. И напротив, молодой провинциальный специалист и маститый ученый придерживались сходных взглядов.

Соответственно задачей данного исследования является демонстрация различных мнений, по теме глобального изменения климата, существующих в российском массовом сознании и в дискурсе экспертов, и возможных отношений между этими мнениями.

Обзор результатов социологического исследования

Сведения об исследовании

Исследование проводилось в форме он-лайн интервью (по телефону, в скайпе и зуме). Опрашивались специалисты в области климатологии, экологии, биологии и ботаники, экономики и политологии, журналисты и блогеры, эксперты из отраслей нефтедобычи и переработки нефтепродуктов, добычи и транспортировки природного газа, добычи и экспорта угля. Уровень – руководители департаментов, заведующие кафедр и специалисты кафедр, ведущие специалисты, руководители производственных и исследовательских отделов. Опрашивались эксперты из федеральных научных учреждений, отраслевых институтов, а также федеральных региональных университетов. Исследованием охвачены помимо Москвы и Петербурга, Архангельск, Пермь, Екатеринбург, Омск, Уфа, Ханты-Мансийский Автономный Округ, Ямало-Ненецкий Автономный Округ, Тюменская область, Кузбасс, Краснодарский край.

Опрошено 40 человек.

В соответствии с ESOMAR Code of Conduct³, респондентам была гарантирована анонимность.

В Отчете приводятся *курсивом* выдержки из интервью. Речь респондентов воспроизводится дословно, но с техническими сокращениями.

Тема защиты климата в российской науке.

В очередной раз отметим, что наше исследование не может претендовать на точное отражение того, как распределяются мнения и позиции по поводу глобальных изменений климата среди всех российских ученых или научных учреждений. В нашем распоряжении лишь отдельные примеры.

Есть основания предполагать, что активные представители того направления, где прямо отрицаются изменения климата, а сам этот дискурс рассматривается как подрывной и антироссийский, не выразили готовности к встречам и сотрудничеству с представителями Левада-центра как «иностранным агента». Вместе с тем, в представленных в данном отчете мнениях можно будет найти определенное созвучие подобным позициям. Это будет показателем того, насколько данные настроения и идеи способны проникать и в умеренные, центристские слои научной общественности.

Эксперты-климатологи описывают ситуацию, в которой находятся носители «нормальных» взглядов на глобальные изменения климата:

³ European Society of Opinion and Market Researchers (ESOMAR), наиболее авторитетная международная профессиональная организация. Левада-центр как член этой организации действует в соответствии с ее уставом.

– Я не подстраиваюсь, но являюсь представителем мирового комьюнити, конечно. Т.е. у меня взгляды не маргинальные, а вот они такие, сформированные в общем тренде, так бы я сказал. Поэтому фактически всё, что я буду говорить – это, с небольшими поправками, общая точка зрения, которую выскажет любой климатолог в мире. Про Россию я скажу, что, если брать климатологов профессиональных, подчеркиваю это слово, то мы все примерно одинаковы. Но у нас к проблеме климата приклеивается очень много людей посторонних, которые, как правило, не образованы, не профессионалы. Почему-то считается, что климатом может любой заниматься и высказывать свои убеждения.

Ему вторит другой эксперт:

– Но часто при каких-то слушаниях в Думе, в Совете федерации, еще где-нибудь приглашаются бог знает откуда взятые т. н. «эксперты». И вот тогда это фантастические совершенно и заявления, и предложения, и поддержка их происходит.

Вопрос, чьи интересы защищают или продвигают эти странные лоббисты в Думе, наши респонденты не обсуждали. Но на вопрос, откуда берутся «странные взгляды» и мифы о климатических процессах, мнения разных экспертов совпали:

– Почему эти мифы в России так сильны, и отчасти среди ученых, (не климатологов)? У меня один из ответов – что это связано с какой-то антизападной позицией. Потому что в сознании общества вот это представление, что человек влияет на климат, идет как бы с Запада, и мы давайте будем как бы что-то противоположное говорить, в пику тому, что они говорят.

– С геополитической точки зрения это, возможно, из-за того, что у нас страна под санкциями находится, и с каждым годом всё усиливается (негативное) отношение Запада к нашей стране. И поэтому люди думают, что и с климатом – это очередной их заход.

– Бытовала и до сих пор бытует неозвучиваемая точка зрения, что все эти экологические вещи – это просто заговор против нашей национальной экономики, которая процветает в основном углеводородами, а углеводороды – это как раз составная часть ненавистного пакета любой «зеленой экономики». Тогда значит, те, кто выступает против углеводородов в любом их проявлении – те выступают и против нас.

А вот и сам видный эксперт говорит о скрытых целях принимаемых в Евросоюзе законов. Он выражается на не-академическом языке, показывая, что это его собственное, но «неофициальное» мнение:

– мне кажется, они (европейцы) хотят нам что-то такое вставить, как говорится.

Он далее объясняет, почему он не считает нужным всерьез относиться к позиции Евросоюза:

– Все эти страны европейские – они не главные производители углеродов. Ведь если какая-то маленькая страна, условно, маленькая страна типа Голландия или Великобритания полностью откажется от углеродного выброса, то на мировом выбросе это вообще не скажется, а они про себя думают, какие они молодцы и вообще герои.

Мнение другого эксперта - не надо искать козни Запада в том, что происходит на рынке нефти.

– Давно уже мировые рынки поделены, всё принадлежит транснациональным корпорациям, в том числе в России, и (российская) нефтянка не исключение. То есть, многие ее хозяева находятся за рубежом. Поэтому я не думаю, что здесь что-то делается, чтобы наказать Россию. И не надо думать, что «вот мы хорошие, а весь мир плохой».

Журналист указывает на политическую составляющую «борьбы за климат»:

– США-Европа-Китай будут стремиться лидировать в технологиях, в инновациях, связанных с борьбой с изменением климата, и соответственно, кто в этих инновациях выиграет, тот завоюет признательность мирового сообщества, будет иметь на него влияние. США до сих пор держались на демократии, военной силе и крупнейшей экономике, их позиция в мире на этом держалась. А теперь вот кто главный борец за климат – тот и на коне.

Есть и внеполитические обоснования разных позиций в отношении климатических изменений.

Эксперт формулирует дилемму в объяснениях:

– Мы пока не можем решить, есть ли причинно-следственная связь между повышением температуры и повышением концентрации парниковых газов, или повышение температуры все-таки связано только с естественными факторами, и парниковые газы имеют не настолько большое влияние, как это говорится в наших международных конференциях, и т. д.

Эксперт полагает, что современный уровень знаний не позволяет выбрать ответ, и предлагает придерживаться позиции, зафиксированной международными соглашениями. Они, по его мнению, исходят из того, что пусть пока нет полных

доказательств того, что ведущим является антропогенный фактор, но странам следует вести политику, исходя именно из этого предположения.

В другом интервью эксперт поясняет ситуацию в российской науке:

– Есть, например, целые команды профессоров, обычно по профессии это геофизики, которые считают, что, если существует тренд повышения температуры в достаточно большом временном ряду, то это влияние естественных факторов.

Далее эксперт приводит мнение геофизиков из Института физики земли им. О.Ю.Шмидта, с которыми пришлось дискутировать.

– Они говорят, вы что? Идет дегазация земной поверхности, потому что происходят разломы, разрывы в коре, и оттуда выходят эти газы, в том числе и CO₂, и метан. И поэтому говорить о том, что именно антропогенный вклад влияет (на глобальное потепление), это крайне неверно. Сама природа, условно биосфера, достаточно эмитирует CO₂, к тому же и дегазация земной поверхности, и вулканическая деятельность, сюда же можно отнести пожары природного характера, когда лес горит, это огромное количество CO₂. Таким образом, консенсуса между нами нету, и доказательств ни у кого четких, непровержимых тоже нет.

В ходе исследования мы встречались с носителями альтернативных взглядов: Один из экологов заявляет:

– Я считаю, что глобальное потепление климата есть, но вызывают его не выбросы. Я придерживаюсь версии естественной цикличности. Не той версии, когда говорят о преобладающем антропогенном факторе.

Специалист – географ констатирует наличие разных подходов среди коллег.

– Нет, в целом я, конечно, знаю, что происходит; экологи об этом говорят часто, эта информация, в принципе, всегда на слуху. Ну, все это в зависимости от точки зрения. С одной стороны - сторонники глобального потепления, с другой стороны, говорят, что, мол, это только предвестник дальнейшего последующего глобального похолодания.

Россия и международная климатическая политика и тенденции

Исследование позволило обнаружить мнения, которые совпадают с теми, что приняты или сформулированы наиболее авторитетными международными организациями или отражены в международно принятых документах.

Вот мнения об участии России в международных соглашениях. Информированный эксперт указывает, что в России предпринимаются некоторые шаги по реализации Парижского соглашения:

– *Линия нашей страны выражена в климатической доктрине, которая была принята еще во времена президента Медведева. Сейчас идет речь о том, что она будет переделана, но там никаких практически изменений не будет, это выдержанная точка зрения мирового сообщества. А в развитие этой климатической доктрины наша страна принимает участие в Парижском соглашении.*

– *В декабре 2019 года было постановление Правительства с констатацией того, что Парижское соглашение надо исполнять, нужно просто на эту тему работать, и были адресные указания в адрес министерств. Это было председателем Правительства принято такое распоряжение. Правда, в этом распоряжении эти климатические направления работы – они все-таки, по-моему, не на переднем плане стояли. Смысл был такой, что «если у вас останется, ребята, время, то вы вот еще позанимайтесь и вот этим».*

Заключает эксперт так:

– *Так что политическая направленность, если брать верхний эшелон, который всё и определяет, в конечном счете – она соответствующая мировому пониманию.*

Эксперт полагает, что в России совершаются шаги именно в этом направлении:

– *А мы же, в принципе, к этому сейчас пришли. Вот эти «справочники наилучших доступных технологий», которые у нас внедряются – это же, в принципе, и есть самые инновационные разработки, которые существуют в области охраны окружающей среды, которые, причем, не только с позиций России инновационные, а с позиций международного опыта – они у нас внедряются*

Однако, даже при этом возникали определенные проблемы:

Другой эксперт поясняет:

– *В апреле 16-го года подписала Россия среди других стран, Парижское соглашение. И только в 19-м году... ну, с очень большим опозданием, когда большинство стран уже, так сказать, были... внутри, мы все-таки присоединились к этому документу, хотя и странном образом. Странным, потому что саму Рамочную конвенцию по климату мы ратифицировали, Киотский протокол мы тоже ратифицировали, а Парижское соглашение мы почему-то приняли решением правительства. Т.е. мы не стали его ратифицировать, как бы сделали вид, что никаких таких обязательств,*

которые бы требовали изменить законодательство, этот документ на нас не налагает. И тут же бросились писать закон новый, "О государственном регулировании выбросов парниковых газов". Т.е. есть какое-то несоответствие, мне кажется.

Кроме того, проблемы климата не рассматриваются как требующие срочного решения.

– Понимаете, проблема в том, что для тех, кто политику делает, это не пандемия, которая у нас сейчас и в данном месте. Это некая отложенная вещь, которая будет не скоро.

Таким образом, причины выступать против международной позиции по климату могут быть мотивированы идеологически-политическими позициями. Прямое влияние частных материальных интересов, например, интересов нефтяных компаний, в ходе этих интервью не отмечалось. Скорее носителем «нефтяного интереса» респонденты делали всю страну.

Специалисты давали детальные разъяснения ситуации, в которой находится Россия. Вот ожидания специалиста, что Россия будет следовать общему тренду:

– Если взять последние декларации стран, что они станут так называемыми «углеродно-нейтральными», в 10 раз снизят выбросы, а остаточек, процентов 10-15, за счет посадки лесов, еще каких-то природных вещей, компенсируют. И вот Европейский Союз обещает это к 50-му году. И он обещал это уже довольно давно. А в конце прошлого года к нему присоединились Япония, Южная Корея, Канада и США фактически, тоже к 50-му году, Китай к 60-му, Бразилия, Казахстан, еще длинный список стран – к 60-му. Если это всё будет получаться, то конечно, Индия и Россия тоже к этому присоединится.

Эколог сообщает, что российское экологическое законодательство меняется в лучшую сторону:

– Сейчас наше экологическое законодательство существенно реформируется. Переход на «Наилучшие доступные технологии», НДТ - появляется какая-то современная разработка, мы ее используем у себя, она дает лучший результат. В последнее время экологии уделяется больше внимания, т. е. это перестает быть в чистом виде экология, как мы говорим там, некоторые экологи, «экология ради экологии». Т.е. на сегодняшний день это и позиционирование своей продукции, товара на рынке, и какой-то ниши дополнительной рыночной.

Но у биржевого брокера противоположное мнение:

– Ну, если брать сущностный план, практический, то я не вижу (результатов). Я вижу какие-то политические движения, я вижу какие-то

популистские выступления и акции, которые ставят целью либо привлечь внимание и повысить свой политический авторитет и влияние, либо просто по-простому «распилить» бюджет. Одно то, что сейчас главным человеком по этой теме является Чубайс, ну очень многое объясняет, об очень многом говорит.

Вот выражение беспокойства, что в России недостаточно понимают риск оказаться вне этого тренда:

– Проблемы не только связаны с тем, что мы у себя много выбрасываем, проблема еще в том, что эти выбросы переходят на продукт и формируют углеродный след продукции. И вот уже в ближайшее время, я думаю, что, начиная года, наверное, с 23-го, не позднее, при экспорте товаров — не только сырья, но и продукции переработки — в Европу, мы столкнемся с необходимостью объявлять свой углеродный след или он нам будет вменен, и за это будет взиматься плата. Непонятно, с кого, скорей всего, с потребителей, т.е., с покупателей, но нам от этого не легче. Неожиданно выяснится, что покупка продукции из России стоит дороже, чем ее просто обычная цена — за счет углеродного следа. И поскольку Европа декарбонизируется, а мы нет, то выяснится, что наша продукция по углеродному следу сильно хуже. И при росте цен на углерод... на выбросы парникового газа, мы будем всё время проигрывать в конкуренции.

Вот сведения и о том, что специалисты начинают осознавать ситуацию, в которой окажется Россия, но также видят, что политики ее еще не осознали:

– И как это скажется на экономике? «Банк России» озаботился необходимостью проведения стресс-тестов финансовой системы для того, чтоб понять, насколько она стрессоустойчива по отношению к климатическим рискам. Это всё, мне кажется, хорошие знаки. Т.е. люди, которые ближе к деньгам, ближе к реальной экономике, начинают понимать, что нас не минует чаша сия, и надо хорошенько готовиться, и надо в принципе встраиваться в этот общий тренд, иначе экономика развиваться не сможет. Но на политическом уровне, к сожалению, этого понимания пока еще нет. Есть ритуальные телодвижения, которые часто не достигают цели.

Это же мнение звучит у другого эксперта:

– Что касается официальной политической позиции, она, на мой взгляд, не транслируется в достаточной степени в решительные действия на фронте практики воздействия на национальную экономику и т. д.

Экономист показывает, как надо изменить взгляд на изменившиеся мировые экономические обстоятельства. В фокусе – все та же тема: противостояние Западу как суть политической позиции России приведет ее к потерям.

– Конкуренция стала глобальной. Не Россия конкурирует со Штатами, а конкурируют мультинациональные или национальные компании уже на глобальном рынке. И позитивный прорыв для России может или должен быть, когда мы поймем, что мы не должны против США или Германии, а мы должны научиться встраиваться в многонациональные длительные цепочки формирования продукции с добавленной стоимостью, которая, в том числе, по экологическим и социальным характеристикам является более приемлемой для конечного потребителя, коим является средний класс.

Видный журналист высказывает свои соображения о том, почему Россия не выходит из международных соглашений по климату:

– Россия всё еще в Парижском климатическом соглашении состоит и не выходила, даже когда США выходили, и когда у нас были особенно плохие отношения с другими западными странами. Почему не занимает Россия открытую антиклиматическую позицию? - возможно, это связано именно с тем, что у нас очень большие интересы на западных рынках, всё еще на европейском рынке нефти и газа, и мы не можем себе позволить открытые такие демарши. Такие, как США – они могут, потому что они не зависят настолько от экспорта, а мы нет. Поэтому мы обычно не критикуем всю эту экоповестку так сильно.

Специалист из угледобывающего региона говорит, что «зеленые» подходы здесь, в России не находят поддержки.

– Но есть другая позиция, позиция власти, которая категорически не хочет признавать решающий вклад промышленности, в том числе угольщиков, в загрязнение.

Журналист свидетельствует:

– Если мы говорим об угольных компаниях, о людях, которые принимают решения, – это крупные чиновники - то, они как официальную высказывают точку зрения, что будущее региона связано только с развитием угольной промышленности. Т.е. эта позиция однозначная, и ее не скрывают. Здесь про отказ или какое-то там сокращение добычи, или разработку стратегий с учетом того, что надо сокращать добычу и развивать какие-то другие отрасли, и как-то встраиваться в новый мир – этого абсолютно нет, вообще нет.

Руководитель среднего уровня в нефтедобывающем регионе делает признание – но как частное лицо:

– Ну, влияние непосредственное, конечно, есть. Мы, кто так или иначе мы связаны с нефтедобычей и нефтепереработкой, мы вообще-то знаем, что это является одной из проблем, которые, наверное, влияют очень сильно на экологию. Мне кажется, что мы затрагиваем своим производством, своими работами, очень большие отрасли природные, наверно. Это и вырубка лесов, и загрязнение климата. Поэтому, конечно, непосредственно влияем очень сильно на это.

Другие специалисты говорят, что за нанесение ущерба окружающей среде предприятиям назначают штрафы, и за этим строго следят.

Но при этом рассказывают:

– У нас в Российской Федерации очень не развиты налоги, связанные с воздействием на окружающую среду. Они до беспредельного малы. Для многих предприятий, нарушать законодательство в области охраны окружающей среды выгоднее, чем модернизировать свои производство. А должно быть наоборот.

Но все же общественное мнение, а с ним и мнения частных лиц, постепенно меняется в сторону признания «зеленой» экоповестки. Вот признания человека более чем практичного – брокера:

– Еще где-то полгода назад я был сторонником того, что всё это является очень большим блефом, политической разводкой и так далее. Ну вот последние полгода стали появляться, во-первых, люди, которым я доверяю... Стали говорить, что этот факт действительно имеет место, плюс стали появляться уже какие-то более или менее детально оформленные научные исследования, которые показывали, что что-то такое неприятное происходит. Действительно, изменения климата, потепление общих погодных параметров, сползание, так скажем, природных поясов и так далее... Т.е. те природные изменения, которых не было раньше.

Ему вторит журналист:

– Да. Я разделяю эту точку зрения, я слышала такое выступление экспертов из Всемирного фонда дикой природы, у них там сильная климатическая экспертиза, и они говорили, что по изотопным анализам посмотрели по соотношению CO₂, которое природное, и образованное собственно человеком. И получилось, что это уже фактически научно доказанный факт, что то, что образуется природным путем, эти циклы высвобождения и поглощения парниковых газов – они сбалансированные. То, что выделяется природным образом, естественным – вулканы или что-то – оно поглощается океаном, например. А человек нарушил баланс, и теперь да, я считаю, что это доказано.

Вот мнения специалистов по конкретным характеристикам перемен в климате Земли и попыткам сократить антропогенный вклад в потепление.

Эксперт дает прогноз результатов всех усилий Евросоюза и присоединившихся к нему стран по сокращению выбросов в атмосферу. Он полагает, что увеличение средних температур составит 2,5 градуса:

– О полутора и двух, о точном выполнении Парижского соглашения, снова речь не идет.

Эксперт рассматривает и вариант, при котором этого результата добиться не удастся. Если процессы будут идти на том же уровне, как сейчас, повышение температуры составит 4, 4.5 градуса.

– Если мы откроем прогнозы, скажем, Главной геофизической обсерватории, а там люди-то понимают, что с чем сравнивать, они сравнивают 2,5 и 4,5, и получается, что будет несоизмеримо больший ущерб в виде лесных пожаров, в виде деградации вечной мерзлоты, разрушения инфраструктуры, всевозможных иных эффектов, а за ними пойдут инфекции, болезни и прочие другие беды - если будет 4, а не 2,5 градуса. Вот эта разница очень велика.

Эксперт отмечает:

– В ЕС не только ученые, но и общественность, и даже бизнес, и даже политики вслед за ними - им же голоса нужны - они осознали, что путь в 3,5 градуса для них очень плох. Да даже 2,5 градуса плоховато, особенно для Средиземноморья, там действительно будет туго, однозначно. И поэтому надо выбросы снижать принудительно.

В этих выкладках имплицитно присутствует мысль, что в России общественности и главным стейкхолдерам также надо принять к сведению, что нужно подключаться к общей борьбе за ограничение выбросов.

Среди российских авторитетов нет единства в отношении к «зеленой экономике»
Вот рассказ знающего специалиста о том, что происходит в мировой экономике:

– Все крупнейшие европейские нефтяные компании приняли соответствующие стратегии по «зеленому переходу», у европейских компаний около 15 % годовых капиталовложений сейчас направляется на возобновляемую энергетику.

– Для сравнения, я видел буквально вчера в отчете «Bank of America», у «Роснефти» около 7 % капиталовложений в 18-22-м годах просто на «зеленые» инвестиции. Европейские нефтяники кроме сокращения выбросов, кроме возобновляемой энергетики, очень многие планируют в

диапазоне 10-20-30 лет сократить нефтедобычу. Часть из них делает ставку на газ, часть больше на возобновляемую энергетику... Активно развивается электромобильный транспорт, этому способствует то, что в Евросоюзе установлены нормы по выбросам для всех автомобилей, которые выпускает та или иная компания, установлена норма выбросов, и она с каждым годом будет снижаться.

А вот скептический взгляд на эту же перспективу:

– Пока «зеленая» экономика является большим политическим проектом, причем финансово затратным, и сейчас это становится очевидным. У западных компаний, которые переходят на «зеленые» проекты, сейчас огромные проблемы в плане экономики, потому что эти проекты не приносят никаких денег, а наоборот, требуют огромных затрат. Если раньше в условиях мирового экономического подъема, это было незаметно, потому что было очень много лишних денег, то сейчас, когда во всех странах ощущается кризис, во всех странах ощущается падение зарплаты, занятости, это видно. И сейчас идет переломный момент, когда политики и эксперты начинают переоценивать эти проекты. От этой реакции будет зависеть дальнейшая интенсивность и скорость развития «зеленой» политики.

Эксперт продолжает эту тему применительно к нашей стране:

– Я не представляю экономическую модель, какую можно было бы создать на базе «зеленой» энергетики у нас в стране. Кому бы эту энергию мы могли бы продавать?

Почему не будем переходить к возобновляемым источникам?

Журналисты транслируют озабоченность специалистов из разных отраслей сокращением нефтедоходов:

– У нас бюджет очень сильно формируется из нефтегазовых доходов, правда, эта доля сокращается каждый год, но... вот в прошлом году было 28 %, по-моему, доходов бюджета – это нефтегазовые доходы. И, соответственно, бюджет выстроен вокруг этого, там компании платят НДС и прочее, прочее, прочее. Соответственно, если сокращать доходы от нефтегаза, то бюджет будет... недосчитается больших денег.

Из этого делается вывод: *поэтому стимула переходить на возобновляемую энергетику нет.*

Отмечается, что:

– из-за того, что у нас медленно растет экономика, нет спроса на дополнительную электроэнергию, поэтому строить ветряные, солнечные станции только для того, чтобы производить электроэнергию – на это нет спроса, это невыгодно, никаких значимых стимулов для этого нет.

Идея нефтяников – извлечь как можно больше доходов от продажи нефти в ближайшие годы, пока переход на новые энергоносители еще не состоялся. Знающий дело эксперт говорит:

– Преобладающее настроение (в нефтяной отрасли) такое: если даже в перспективе 10-20-30-40 лет общемировой спрос на нефть будет снижаться или как минимум не расти, то надо как можно быстрее эти углеводороды добывать и их использовать. Замминистра энергетики Сорокин как раз прошлой осенью ровно это сказал: «Нужно быстрее монетизировать эти ресурсы и пустить их на благо страны».

Эксперт, знающий положение в руководящих кругах нефтегазовой отрасли, сообщает:

– Сечин как раз из лагеря скептиков, которые считают, что они там (на Западе) поиграются в свою «зеленую» экономику, потом вернутся к российской нефти, никуда от нее не денутся. И как раз то, что делает там Байден со своим триллионным планом, и Европа... они угробят свои энергетические отрасли, а Россия этим воспользуется как новой нишей на рынке.

Что касается мыслей о будущем, то всего один раз нам встретилось высказывание, призывающее подумать о том, как будут жить и что будут делать люди в моноотраслевых регионах, занятых сейчас только добычей ископаемых углеводородов:

– Разведанных запасов нефти у нас от Советского Союза хватало примерно на 40-50 лет. Сейчас мы 20 уже прожили, то есть, еще 30 лет мы как-то худо-бедно на этих запасах можем прожить. Но когда через 30 лет всё закончится, что будет: Западная Сибирь вновь превратится в таежную зону, населенную охотниками и собирателями? Ну вряд ли. Значит, я думаю, что, пока мы черпаем, и продаем, и сами используем эти запасы, у нас есть этот промежуток времени, чтобы подумать о своем будущем. О том, что мы будем делать потом, когда это потребление (углеводородов) сократится, либо прекратится вовсе.

При этом, указывает другой специалист, «зеленая экономика» не выглядит перспективной для России:

– У нас нет компаний «зеленой» энергетики потому, что нет технологий и нет рынка сбыта. Совокупный потенциал «зеленой» энергетики в России -, по ветру, по солнцу, по биомассе – очень незначительный.

– Были бы нужны уникальные природные условия для его развития: либо это постоянно светящее солнце, либо постоянно дующие ветры. Насколько я знаю, таких вот территорий, особенно вблизи очагов цивилизации, у нас нет. Строить же это где-то в пустынной области, это очень дорого - прокладывать всю эту инфраструктуру. Я не думаю, что у нас это экономически окупится и что в нашей стране это имело бы смысл.

Однако исследование доставило много свидетельств того, что общественное сознание еще не восприняло эту озабоченность.

Вот пример. Свидетельства эколога из Пермского края. Отметим, что это один из наиболее развитых регионов России со значительными кадрами технической и научной интеллигенции, с собственными традициями свободомыслия и гражданского самосознания.

– Про свой регион могу сказать, что буквально единицы организаций, предприятий используют альтернативные источники энергии, это происходит в тестовом режиме, но не на постоянной основе.

– Я за свой опыт работы с эко-активистами как-то разочаровался в массах именно в этом направлении. Т.е. экологию нельзя навязать людям, если она их всех разом не касается, точнее, не причиняет таких постоянных неудобств. У нас с пермским сообществом ситуация такая, что у них если и болит этот самый «зуб» экологический, то только с какой-то редкой периодичностью. Если они это чувствуют, они в это эко-сообщество вливаются. А если их это прямо не касается, они ничего делать не будут.

В целом состояние общественного сознания в регионе характеризуется так:

– Ну, так скажем, подавляющее большинство понимают, да, что есть проблема. Опять же, это у СМИ... есть понимание. Есть люди, конечно, и безразличные, они не задумываются, но большинство, наверно, задумываются об этом. Есть понимание того, что может что-то измениться в климате, и это может пагубно повлиять на всё происходящее.

Что касается личного участия в борьбе с изменениями климата, то такие идеи пока не нашли широкого распространения среди рядовых потребителей энергии:

– Я вам здесь отвечу, что именно думают потребители: 70%... даже 80% точно не будут заботиться об экологичности.

Данную оценку можно распространить на многие регионы России, где высокий уровень крупно-городского населения.

Специалист по нефтедобыче на Ямале поясняет, почему работники в их отрасли не будут склонны разделять мнения о том, что следует сокращать или прекращать добычу ископаемого топлива:

– Я думаю, что наоборот, люди (будут против)... Это же работа, это достаточно высокий уровень оплаты людей... Это же именно здесь (в этой отрасли) в основном рабочие места, и у нас уровень заработной платы достаточно высок, поэтому возмущаться из-за экологии люди вряд ли будут. И их семьи то же самое.

Специалист из Югры скептически смотрит на смену источников энергии:

– С нашей спецификой переходить на энергетические виды топлива - у нас это не получится. Я имею в виду в целом компании, которые занимаются именно добычей нефти. Переходить на выработку других каких-то видов – ну как? Если взять наш регион, как он может на другую энергию перейти: солнечную – это южные районы нужны; если на ветряную какую-то энергию – соответственно, это нужны приморские районы. У нас этого всего климатические условия не позволяют.

Университетский эколог делает такое заключение:

– Россия, одна из крупных стран, которая вносит существенный вклад в загрязнения, и не принимает таких титанических усилий (по сокращению). Поэтому я думаю, что сохранится тенденция по добыче углеводородного сырья, сохранится достаточно высокое процентное соотношение использования углеводородного сырья и альтернативных источников энергии. Но никогда человечество не откажется от углеводородного сырья, потому что это не только теплоноситель, это же еще и сырье для огромного ассортимента различных товаров, от которых мы уже не сможем отказаться. Поэтому мы всё равно будем поставщиками.

Специалист рассказывает о мнении авторитетов в нефтедобывающей отрасли:

– Вплотную работаю с нефтяниками – эти темы (новой энергетики), конечно, поднимаем. Нефтяники смеются. На взгляд нефтяников, на сегодняшний день мировая промышленность не готова к такому резкому переходу на экотопливо.

Нефтяной брокер ожидает, что нефтяной рынок будет сокращаться[^]

– Если раньше средней ценой считался уровень 80-90, то сейчас 60 долларов за баррель считается уже большим счастьем, и неизвестно, сколько это продлится. И при том что «зеленая» политика, она только-только в самом начале пути развития. Если она будет дальше развиваться такими же темпами, то нефть во многом станет просто не нужна.

Но активист российского Greenpeace не ожидает такого снижения:

– Что касается потребления в ближайшие несколько лет – я не чувствую стратегических действий, которые будут серьезно снижать покупку нефти за рубежом из России. Она будет снижаться, но я не берусь оценивать эффективность введения альтернативного транспорта. Потому что, глядя на наиболее развитых наших соседей, на Финляндию, а они, наверное, сейчас одни из наиболее развитых, самых развитых, наверное, даже выше Германии, я не вижу возможности у них в ближайшие 3-5 лет сократить потребление российской нефти.

«Геополитический» дискурс

В угольном регионе эксперт в развернутом виде представил мнения, которые в других местах встречались в отрывках:

– В целом политически мы видим, что эти вечные амбициозные попытки десятилетиями, столетиями, отторгнуть Россию и не считать ее партнером, они существуют. И не в этом году это родилось, это было всегда. Вот эта ревностность ставит (препятствия). Новые политики приходят, молодые, у которых в мозгах ничего нету, которые не переживали серьезные экономические события типа военных и т. д. Ну жизни не знают и начинают в политику кидаться. И одним из проявлений этого дела являются бешеные вложения в эту «зеленую энергетику» возобновляемую так называемую.

«Геополитический» дискурс в провинции популярен. Вот рассуждения специалиста из северного нефтедобывающего района:

– В Европе мы сами знаем, кто лоббирует свой интерес, это заокеанские партнеры наши. Которые хотят российскую нефть с европейского рынка убрать, а свою туда загнать. Но, я думаю, Европе это будет экономически невыгодно. А насколько политически успешно – ну, это не мне, наверное, решать. Но экономически это будет Европе невыгодно.

У некоторых специалистов встречались соображения о том, что глобальное потепление несет некоторые преимущества России:

– Плюсы какие? Наверное, для всей территории нашей страны плюс – ЖКХ, это уменьшение отопительного периода. Вот это вещь несомненная. Причем оценки здесь такие, что на севере к концу столетия почти на 2 месяца сократится отопительный период. Это огромная экономия ресурсов. В центральных районах, на юге – на месяц, это тоже много.

– Кроме того, открывается вроде бы Северный морской путь. Это тоже вроде бы в плюс идет, правда этим плюсом овладеть очень трудно. А что касается тех платформ, которые выдвинуты на шельф и на которых идет, собственно говоря, бурение и добыча – там условия улучшатся, конечно. Потому что льды сокращаются.

– Лесная промышленность – плюс несомненный. Сейчас идет нарастание прироста древесины в холодной нашей стране, это плюс.

Эксперт из Пермского края говорит о преимуществах потепления для этого региона:

– Если говорить про экономику, то я считаю, что последствия будут положительные. Потому что более теплая зима означает меньшее количество снега, т.е. меньше организационных, логистических издержек в работе каких-либо организаций, производств края. Т.е. надо будет реже вычищать дорогу, с этой точки зрения это плюс. Если край станет более теплым, гостеприимным, мягким, это потенциальное развитие еще и туристической сферы, и сферы отдыха.

Ему вторит другой эксперт:

– В целом можно выявить положительные изменения, например, мы снижаем свои затраты на отопление в домах, это же приятные изменения, согласитесь, когда у нас зимы стали не такими холодными. Потом мы можем выращивать виды, которые ранее у нас не вызревали на территории Пермского края. Сейчас мы тоже можем себе позволить выращивать и эти виды.

В Ханты-Мансийском округе специалисты соглашаются:

– Действительно, у нас зеленая зона расширяется. Незначительно пока, но все-таки расширяется. И если такая тенденция будет далее продолжаться, то, естественно, у нас более зеленая зона станет, т.е. благоприятные условия будут создаваться для ведения сельского хозяйства.

Но идея приветствовать потепление на «северах» встречает возражения:

– Вы понимаете, возникает парадоксальная ситуация: идет потепление, которое считается как бы плюсом, потому что, мол, разрушается вечная мерзлота, которая в России занимает 60% ее территории. И вот обычно говорят: «А, у нас в России будет хорошо!» Да не будет у нас в России хорошо, потому что это потепление – оно с одной стороны хорошо, а с другой стороны нарушается баланс, т.е. там, где у вас были стабильно холодные воздушные массы, которые поднимались с Арктики – их нет, и, вот летом пески начинают разогреваться – и начинают переть эти горячие массы. И, соответственно, получается там – осадки то пусто, то густо, то тепловые волны уже у нас, в умеренной зоне. А всё оттого, что мы теряем свой «холодильник», Арктику. В виде вот этой мерзлоты.

Вопрос о судьбе «вечной мерзлоты» оказывается дискуссионным.

– Это действительно так, потепление выражено в арктическом регионе весьма сильно. Это действительно приводит к разрушению многолетних мерзлых пород. А поскольку все дома, которые там стоят, мосты, дома – всё это крепится на сваях в мерзлоте, то, когда эта мерзлота превращается в кашу, то всё это начинает терять устойчивость, а кроме того, когда осенью эта каша замерзает, а замерзает она на гораздо большей глубине, чем планировалось, то в процессе замерзания начинается искривление этих свай, на которых всё вбито. Это тоже приводит к разрушениям соответствующим. Т.е. вся инфраструктура чувствует этот пресс. Но это больше касается городов, путепроводов, мостов.

Что касается нефтепроводов, то, по словам экспертов, пока нарушений в их функционировании, связанных с таянием мерзлоты, не отмечалось⁴. Такие риски появятся лишь в будущем. Эксперт полагает, что процесс таянья будет идти медленно:

– Если мы говорим про арктическую зону, то нам нужно понимать, о каком временном масштабе идет речь. Абсолютно понятно, что это не кратковременное событие. Т.е. необходимы десятки лет, чтобы вечная мерзлота чуть-чуть подтаяла, что-то отошло, изменилось. Т.е. мы не говорим о кратковременном событии. Это будет, конечно, случаться, уже зафиксировано достоверно, что потепление климата происходит, но мы не будем это видеть так экстренно. Всё будет постепенно.

Однако специалист из северного нефтедобывающего района говорит о более близкой перспективе;

– Есть вероятность просадки объектов капитального строительства, это непосредственно наши объекты подготовки, перекачки нефти. Вот в этом

⁴ Говоря об аварии хранилищ топлива в Норильске, причину которой публике объясняли именно этим, эксперты полагают, что причины целиком связаны с нарушениями правил эксплуатации и ремонта, но теперь виновные их списывают на «природный фактор».

есть риск, конечно, что касается это деятельности нашей компании. Ну и второе, естественно, это транспортное сообщение. Транспортная логистика пострадает. (Имеется в виду сокращение сезонных сроков функционирования т.н. зимников – автодорог, проложенных по снегу и льду. По ним доставляются тяжелые грузы – оборудование для нефтедобычи).

Приводится пример, когда потепление вызвало резкие изменения в среде обитания коренных народов Севера.

– Практически вымерла популяция оленей, которые там жили, и именно из-за потепления. К чему привело потепление? Изменились сроки ледостава и сроки разлива рек. Огромные стада оленей идут, когда уже поздно, реки разлились. Они не способны переплыть настолько широкие реки, соответственно, очень большая часть поголовья гибнет на переправах. Если были там десятки тысяч, то остались тысячи. Вот что касается изменения климата, его влияния на коренные народы, ведущие традиционный образ жизни - у них пали олени тогда. И люди потеряли полностью всё, что у них было, у них же все имущество в оленях.

Таяние мерзлоты несет угрозы и для атмосферы, отмечают специалисты:

– Мы пытаемся объяснить и доказать, что эти точки таяния мерзлоты становятся точками выброса метана, которые еще больше усугубляют изменения климата. А кроме того, вся вот эта органика потерянная, которая была в мерзлоте, она спускается в реки, она в виде растворенного углерода опять тоже выходит как метан.

Отмечается еще одна угроза, которую несет повышение температур в субарктической зоне:

– В Якутии сейчас мерзлота тает. По-моему, поднимается температура в хранилищах семян. У нас же есть стратегический запас семян, насколько вы знаете, который мы храним с далеких прошлых времен, история там 100 лет насчитывает. Это реально, да, это непосредственно факты, это реально мы с этим столкнулись, этого не избежать, и это прямо неоспоримый факт.

Специалист по ледникам отмечает сокращение ледников на горах Кавказа. Что касается полярных льдов, то другой специалист замечает:

– Ну... пол-Европы точно затопит, когда ледники растают, это-то точно.

В более южных районах идут другие процессы:

– Если говорить про южные районы нашей Восточно-Европейской равнины, в частности (Ставрополье, Калмыкию), то тут ведущие процессы – к засушливости. Даже, может быть, к опустыниванию. Это не значит, что через 50 лет здесь будет пустыня, но это значит, что засухи, жесткие засухи будут учащаться.

Обращает на себя внимание мысль одного из университетских экологов о последствиях социальных:

– Нас не минует экологическая миграция. Это связано с тем, что так или иначе будут появляться территории, которые непригодны для жизни. Это опустынивание, или это, наоборот, обводненные территории, когда суша становится всё меньше, то есть где-то уровень воды поднимается за счет таяния ледников, и так далее. Поэтому мы столкнемся с такой проблемой, как экологическая миграция. Если с миграцией мы сталкивались с экономической, то сейчас на нас как раз идет экологическая миграция. Сейчас эти потоки определяются экономическими причинами, но внутри сидит и экологический компонент, который в будущем будет выходить на первый план, потому что без соответствующих условий экономика не может существовать и развиваться, и она напрямую зависит от благополучия окружающей природной среды.

Есть ряд свидетельств о состоянии умов уже не среди широких масс населения, а среди руководящих слоев и обслуживающих их разработчиков идеологии, программ и заявлений. Надо обратить внимание на разницу в том, что принимается как позиция, которую теперь полагается демонстрировать вовне, и представлениях «для своих».

– У нас тенденция развивается не один год, а больше, когда говорится много правильных слов по поводу глобальных изменений климата, вообще экологических проблем. Но у меня ощущение, что во многих случаях люди говорят то, что от них либо ждут, либо то, что прилично говорить в правильном обществе. Что это скорее дань всеобщей международной моде, «ну раз все об этом говорят, давайте и мы об этом поговорим, раз все об этом думают, давайте и мы скажем, что мы об этом думаем».

Выше говорилось, что международные решения, даже те, к которым Россия присоединилась, многим политикам кажутся либо направленными против России, либо объективно противоречащими ее интересам. В то же время из тактических соображений они считают нужным к ним присоединяться. В итоге получается двойственная политическая линия:

– Парламент сильно в стороне, но и правительство тоже не вполне, мне кажется, отдает себе отчет в том, что происходит, и никак не может

понять, какой документ надо ставить во главу угла: то ли Парижское соглашение, которое говорит о необходимости декарбонизации экономики и выхода в ноль; то ли какие-то другие документы, типа стратегических планов развития энергетики, которые вовсе не учитывают этот климатический дискурс.

Экономист характеризует «состояние умов» в этих руководящих кругах:

– К сожалению, у нас преобладает такое странное представление, что это всё какие-то ритуальные слова, а реально экономика устроена иначе. К сожалению, она уже устроена не иначе, и тема климата и тех мер, которые предпринимаются во всем мире для того, чтобы смягчить изменения климата, влияет уже на текущую хозяйственную деятельность. А мы пока еще никак не можем к этому привыкнуть.

Интервью с работниками нефтегазового комплекса показали, что там видят перспективу не в сокращении добычи, а в увеличении доли переработки:

– Уже сейчас предприятия (нефтегазового комплекса) могут пытаться искать другие пути, как добавить к своей деятельности что-то, не основывающееся на добыче ресурсов. Или как улучшить эту деятельность. Т.е. мы же прекрасно понимаем, что если бы предприятие не только добывало нефть и продавало бы только сырую нефть, а производило из нее уже продукты: бензин, масла различные и так далее, то эта продукция, во-первых, стоит дороже, во-вторых, можно иметь прибыль намного больше, если ты продаешь не просто сырую нефть.

Впрочем, сами идеи перехода на альтернативные источники энергии им известны:

– Ну, у нас же есть фонды национального благосостояния, вот эти резервные, созданные из нефтедолларов – я считаю, государство могло бы подумать и как-то толкнуть эту тему для развития. Потому что, всё равно можно, я думаю, с нефтяной иглы, в принципе, слезать. Слезть – и перейти на что-то альтернативное. Заменить там, например... ну, чем-то другим, теми же самыми ветряными станциями. Или солнечная энергия... Ну, как-то так, в общем.

Отметим, что при наличии собственно озабоченности будущим переходом, профессионалы этой отрасли, во-первых, стоят за постепенный путь, а во-вторых, имеют крайне туманное представление об этом пути:

– Ну, постепенно – не резко, но постепенно пытаться снизить и добычу, и уровни переработки углеводородного сырья и угля, в том числе, потому что это негативно влияет на экологию. И искать пути выходов из этой ситуации, переходя на какие-то альтернативные источники энергии... Ну необходимо какие-нибудь институты задействовать, чтобы... кто-то

что-то, может, посоветует, какие-то, может быть, патенты надо поднимать, реализовывать, развивать...

Эксперт чувствовал себя не уверенно. Но закончил мысль с оптимизмом:

– Т.е., в принципе, если не мешать, а помогать, если направлять ресурс именно вот в этот сегмент, то, мне кажется, мы имеем все шансы не отстать как минимум.

То есть, какие-то шаги в направлении поиска альтернатив не исключаются. Но при этом о сокращении добычи как способе сокращения ущерба атмосфере речь не идет:

– А чтобы это было связано с тем, чтобы для экологии, из-за экологии сокращать добычу нефти – такое я не слышал.

На вопросы о сокращении добычи по причинам истощения запасов, готов такой ответ:

– Объемы добычи можно сохранить. Разведаны трудноизвлекаемые большие запасы. Прогресс технологии идет у нас на довольно-таки высоком темпе, и это позволит нам добывать эти трудноизвлекаемые запасы нефти, газа, т.е. остаться где-то на (нынешнем) уровне ближайших 50 лет даже. Ну, по моим прогнозам, по-моему, так будет.

Эксперт высокого уровня транслирует позицию, которая вероятно сейчас является принятой к руководству:

– России надо исполнять все требования по сокращению углеродной промышленности, а с другой стороны, делать это так мягко, чтобы экономика и страна не пострадали. Это хорошая позиция, взвешенная.

В отраслевой науке это понимают так:

– Все-таки основное направление – не отказаться от имеющихся источников энергии, а как-либо их усовершенствовать, чтобы они как можно меньше оказывали неблагоприятного влияния на окружающую среду.

Эксперт из нефтедобывающей компании считает, что будет иначе:

– Переходить на какие-то другие, экологические виды топлива мы с нашей спецификой, я думаю, мы не сможем. А то, что вот сокращаться – да, будем, я думаю.

Ему вторят другие эксперты:

– Я не вижу (перспектив перехода к «зеленой экономике»). Пока это (существующее положение вещей) приносит доход, пока наша власть получает достаточно денег, чтобы жить безбедно, ничего делаться не будет. Как не делалось, естественно, раньше никогда.

Отказ от «нефтяной экономики», объясняет эксперт, это же потеря рабочих мест, это потеря чудовищных сверхприбылей для нефтяных компаний, так сказать, для кошельков ВВ.

Другой эксперт подытоживает дискуссию, которую мы старались отразить в приведенных высказываниях:

– Какие-то разумные силы будут в рамках своих возможностей эту «зеленую повестку» развивать, но узко корыстные интересы типа «Роснефти» и всего нефтегазового лобби и близких к Кремлю людей, которым это нафиг не нужно, их позиция тоже будет очень весомой. И не будет давать активно совершать этот «зеленый переход».

Заключение

Наше исследование нельзя назвать исчерпывающим. Оно не может претендовать на то, что все точки зрения на проблему глобального изменения климата и его влияния на будущее России были в нем представлены.

Можно надеяться, что были представлены хотя бы главные.

Были представлены хотя бы косвенно, позиции тех, кто полагает, что так или иначе на ближайшие полвека по крайней мере геополитическая и геоэкономическая ситуация для России не изменится. Эта точка зрения в основном подразумевает сохранение гегемонии ресурсодобывающих и экспортирующих компаний в экономике и ведущей роли России как экспортера углеводородов на мировом рынке. Подразумевается при этом, что сохранится противостояние России и «Запада» как основных политических и экономических соперников в мире. Можно предполагать, что именно на этом сходятся основные носители интересов в нынешней экономике страны и политический истеблишмент, выражающий и обслуживающий их интересы, интерпретирующий их как национальные интересы России.

Были представлены мнения тех, кто полагает что такая политика приведет к существенным или очень существенным экономическим и геополитическим потерям России, и, что напротив, только кардинальный пересмотр политических и экономических ориентиров может сохранить для России то ее состояние и положение в мире, которое всеми рассматривается как желанное, достойное или хотя бы приемлемое.

Были представлены и мнения о том, что Россия не только должна, но и может перейти на альтернативные источники энергии, а также «слезть с иглы», т.е., отказаться от добычи и экспорта углеводородов как основы своего благосостояния и геополитического авторитета. Сразу скажем, что именно эта позиция обнаружила себя как преимущественно декларативная, следовательно стоящих за ней специальных теорий или расчетов, программ увидеть не удалось.

Разумеется, у сторонников сохранения status quo на ближайшие полстолетия есть, как показывают наши интервью, своя рациональная аргументация. У носителей алармистской позиции она также есть. Но наше исследование – исследование общественного и экспертного сознания, а не анализ экономических или политических программ и документов. Поэтому естественно, что в собранных нами высказываниях на наиболее видном месте находятся ценностные, символические моменты, пусть даже облеченные в форму политологических, экономических, климатологических и иных рациональных нарративов.

Что касается мнений тех, кто видит будущее России построенным на принципиально иных основах, нежели ее настоящее, то с этой стороны наши интервью, повторим, не донесли никаких известий и сведений о наличии рационально разработанных планов или программ. Разумеется, мы не можем утверждать, что таких программ нет и они никем не разработаны, но для того, чтобы выразить такое подозрение, у нас есть основания.

Во-первых, даже при наших весьма несовершенных способах и средствах поиска мнений и позиций это позитивные планы и программы построения «другой» России имели бы не меньший шанс попасть в поле нашего зрения, нежели описанные выше платформы «консерваторов» и алармистов. Более того, с учетом репутации Левада-центра, их проявление в нашем исследовании было бы во всяком случае более вероятным, чем расчетов «консерваторов». Но они не проявились.

Во-вторых, из иных исследований Левада-центра известно, что с середины 1990-х годов российская либеральная и демократическая мысль прекратила разработку планов на будущее, сосредоточившись на критике режима и реакциях на репрессии с его стороны. В неоднократно проводившихся экспериментах было установлено, что в общественном сознании присутствуют в некотором разнообразии негативные картины будущего, так сказать, антиутопии и степень проработки их деталей подчас достаточно высока. Большинство из них рисовало гибель страны в войне того или иного рода. В этих видениях находилось и место для экологических и климатических катастроф.

Что касается позитивных программ для будущего или собственно утопий, то в самое последнее время стали появляться, так сказать, анти-анти-утопии - отрывочные и грубые, без детализаций, попытки нарисовать будущее как победу России в мировой войне. Картина будущего ограничивалась самим фактом победы и приходом России к господству над миром (над тем, что осталось от него после войны).

Что же касается планов на будущее вне военной перспективы, все ограничивалось продлением туда картины настоящего. В этом смысле можно констатировать, что либеральный и по ожиданию оппозиционный, альтернативный дискурс не сумел отойти от властного/доминантного и создать свою картину будущего, принципиально отличающегося от настоящего⁵. И это при том, что не было недостатка в критике со стороны либеральной оппозиции в адрес верхов насчет того, что они ни о чем не думают, кроме сохранения собственной власти и в потому - сохранения существующего порядка вещей.

В этом смысле не удивительно, что наше исследование не обнаружило даже следов разработанного плана построения «новой России» на иной основе, нежели добыча и продажа углеводородов.

Наши респонденты, начиная свои рассуждения с самых разных сторон, приходили к одному и тому же:

(Перехода к «зеленой экономике» не будет) пока политический строй не изменится в нашей стране. Нужны какие-то перемены, они назрели в стране. Если они произойдут, то, возможно, будут какие-то договоренности по тому же налогу... Он, может быть, и будет, а может, его отменят, или будет какая-то отсрочка...

⁵ Справедливости ради следует отметить, что несколько лет назад авторитетный экономист В.Мау и несколько его коллег выступили с предложением основать экономику и политику России будущего на превращении ее в мировой центр образования и здравоохранения. Отклика их начин не получил.

Эксперт обещает:

– Мы будем развивать альтернативную энергетику. Но у нас не частная энергетика, она государственная, и строить новые «зеленые» станции на данный момент может только государство. Но для этого, скажем так, нужна уже новая власть.

Заключить наше исследование лучше всего выводом одного из ведущих экспертов:

– Рано или поздно, мы всё равно идем за миром в целом. Да, пусть с отставанием, но мы всё равно за ним пойдем. И все новинки, которые существуют в мире – они обязательно будут и у нас.